

Ольга Вечная

СТЫДНО НЕ БУДЕТ

Мы же взрослые...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Вечная
Стыдно не будет

«Автор»

2019

Вечная О.

Стыдно не будет / О. Вечная — «Автор», 2019

Она нуждалась в помощи и защите. Он никогда не видел настолько красивых женщин. Каждый вел свою собственную идеальную жизнь. Вот только после встречи этого оказалось недостаточно. Содержит нецензурную брань.

© Вечная О., 2019

© Автор, 2019

Ольга Вечная

Стыдно не будет

Всё вымышлено, любые совпадения случайны.

Пролог

Мороз такой, что окна заледенели намертво. Кое-как отскрёб себе часть лобового стекла – всё равно ни хрена не видно. Как в танке еду. Машина поскрипывает от возмущения, её пушкой с утра отогревали. Домой бы сейчас, под одеяло. И девушку фигуристую, чтобы в одном белье у плиты оладьи пекла. А не вот это всё, что началось в половине шестого.

А впрочем, зачем мне оладьи? Пусть не готовит. В трусах лишь бы красивых.

Даже музыка не радуется, снова и снова зеваю. Где, интересно, сейчас люди знакомятся? Барабаню пальцами по рулю. В ночных клубах? Барах? В интернете? Каждый раз после долгой командировки жизнь словно с нуля начинаю. Жаль, красотки не падают с неба, я бы поймал. Ага, размечтался. Так не бывает.

Да, стопудово поймал бы и... на хрен эти оладьи!

Дорога пустая, колея глубиной сантиметров пятнадцать, не хотелось бы потерять управление. Минус тридцать градусник показывал на выезде из города, а здесь, на трассе, кажется, ещё холоднее.

Поэтому я изрядно удивляюсь, когда вижу припаркованный справа белый мерс, ляма примерно в четыре можно его оценить. Стоит себе, прогревается. Пронюшу мимо на приличной скорости, и следовало бы продолжить путь, вот только... внутри скребёт неприятное предчувствие. До ближайшей деревни километров сто, холод адский, у мерса двигатель заведённый, а значит – там люди.

Почему они стоят на месте?

Жму на тормоз, плавно сбрасываю скорость. Вырулить с колеи сложно, тачка недовольно буксует.

Если там какая-то парочка идиотов не смогла сдержать страсти и развлекается – головы, клянусь, оторву обоим!

Глава 1

Не спать. Спать нельзя ни при каких обстоятельствах. Стоит всего лишь на пару секунд прикрыть глаза на морозе, расслабиться, и... И всё. Нету больше человека. Не помню, где и когда такое вычитала, но сейчас предостережения всплыли в памяти удивительно чётко.

Веки с каждой минутой будто свинцом наливаются, но мне всего двадцать шесть лет, и я не собираюсь так просто сдаться.

Угораздило же встрять на этой бесконечной трассе! Одной. Зимой. Машине чуть больше пары лет, и за это время детка ни разу меня не подвела. Всё бывает впервые: первая мастурбация, первый поцелуй, первая любовь, первая проколота шина. За первое меня прилюдно отругали в детском саду, из-за последнего, видимо, даже отчитать не успеют. Родителей до слёз жалко.

Связи нет. Вдоль трассы стеной тянутся высоченные сосны, припорошённые чистейшим снегом, – глаза слепит. И тишина.

Прошло больше шести часов, как я тут одна-одинёшенька, стрелка бензина давно легла горизонтально, мне остаётся только молиться. Всё жду спасательных вертолётов, но что-то не видать их. Мимо пронеслись две машины, ни одна не остановилась.

Я пробовала дежурить на улице, но, во-первых, там дико холодно, во-вторых, дело совершенно бессмысленное, потому что трафик не просто стремится к нулю, он реально нулевой.

Сперва я щедро грелась от печки, но минуты складывались в часы, а помощи всё не было, и я догадалась, что подобное расточительство может стоить мне жизни. Теперь я завожу мотор каждые двадцать минут, чтобы не дать машине и себе заледенеть окончательно.

Последний час не чувствую пальцев ног и рук, ресницы покрылись инеем. Пробовала и двигаться, и разминаться, но холод настолько жгучий, что это не помогает. Мне страшно. Очень, просто до безумия страшно.

Кирилл, ну где же ты? Обещаю, что сделаю всё, как ты хочешь. Никогда больше не стану с тобой спорить! Исполню любые желания, только забери меня отсюда! Вытащи меня, спаси! Вытираю слёзы и шепчу: «Я уже часа два как на всё готова».

Боже, если ты хочешь преподать мне урок, то я слушаю внимательно! И хочу его усвоить, клянусь!

Да, мы разругались с моим парнем в пух и прах, я выбежала из его дома, села за руль и поехала одна в Красноярск. Пусть он злится на меня, бесится, но почему не поинтересуется, доехала ли? По хронометражу я давным-давно должна была быть дома.

В тот момент, когда я в очередной раз повторяю мантру: «Не спа-а-ать», мимо пронесется чёрный внедорожник. Со свистом! В своих мыслях я выскакиваю из машины, машу руками и кричу: «Спаси-и-ите!» В реальности же едва дёргаю рукой в его сторону и закрываю глаза. Слёзы на ресницах ледяные.

Становится ещё тише, чем прежде, – это двигатель вырубился.

Просыпаюсь внезапно от того, что кто-то тербит меня и жутко матерится:

– Девушка, эй! Девушка, ты живая?! Писец, мать вашу, как чувствовал, бл*ть!

Меня трясут за плечи так сильно, что я открываю глаза и пытаюсь сфокусировать взгляд.

Мне кажется, это Кирилл, я тут же улыбаюсь ему: какое счастье! Он, видно, кинулся меня искать, поехал следом, хоть и спустя столько времени. Увидел знакомую машину на обочине. Но полёт моей романтической фантазии прерывает очередной поток отборной брани:

– Вот безмозглая, заледенела вся.

Голос низкий, абсолютно незнакомый. Я понимаю, что это не Кирилл, но радости от этого меньше не испытываю. Лишь нотка разочарования как укол в сердце: мне хотелось, чтобы меня спас именно он.

Незнакомец пытается завести двигатель, я подсказываю: «Бензин закончился», но почему-то вместо слов лишь тихо мычу. Он и сам это понимает, сгребает меня в объятия и вытаскивает на улицу, куда-то тащит. Я не сопротивляюсь. Только мысль в голове: положит в сугроб, а машину заберёт.

Но вместо сугроба он усаживает меня на заднее сиденье своего внедорожника, сам забирается следом. Здесь та-а-а-к тепло! Он снимает мои сапожки на рыбьем меху, быстрыми, точными движениями ощупывает ноги и руки, после чего расстёгивает мой пуховик. На мгновение замирает, смотрит на меня в упор – глаза у него карие, обеспокоенные – и говорит:

– Я сейчас раздену тебя. Ты не вопи, а по возможности помогай мне, поняла?

Киваю. Чего ж вопить? Мы в тайге. Какой смысл? Он стягивает с меня примёрзшие к телу джинсы, затем свитер, делает знак снимать лифчик, поспешно раздевается сам. Мои пальцы не слушаются, и он быстро и умело помогает освободить грудь.

В ответ на его действия я радостно киваю – по правде говоря, мне вообще всё равно, будут ли меня насиловать, сейчас главное, чтобы он прильнул ко мне своим горячим телом. Боже, скорее же!

– Трусы можешь оставить, – говорит со смешком, когда я тянусь к своим розовым стрингам.

К моему огромному сожалению, телом он ко мне не прижимается. Вместо этого упаковывает в свои штаны, в которых тону. Они мало того что с начёсом, ещё и щедро согреты своим

владельцем. Следом натягивает на меня свою флисовую кофту, на ноги – носки. Всё тёплое и пахнет приятно. Сам мужчина остаётся в чёрном облегающем термобелье.

– Так, дальше, – говорит скорее себе, чем мне. Голос взволнованный, хотя движения чёткие, ничего лишнего, никакой паники. Вручает мне термос: – Очень горячо, пей осторожно, поняла?

Да какой там! Хватаюсь за подарок обеими руками и жадно глотаю. Горло моментально обжигает, я кашляю, но зато по пищеводу прокатывается тёплая волна счастья.

– Мелкими глотками пей, – командует.

Он кутает меня в одеяло, сверху набрасывает свой пуховик, растирает плечи. Некоторое время массирует ноги, после чего уступает мне свои горячие ботинки.

Наконец я начинаю оживать: появляется неуправляемый колотун, но это хороший знак, учитывая обстоятельства. Я снова чувствую пальцы на руках и ногах! Правда, чувствительность выражается болью. Она режущая, острая. Он обнимает меня и укачивает. «Всё будет хорошо, потерпи», – шепчет почти ласково. Минуту я и правда терплю, а затем начинаю плакать, всхлипывать. Не хочу этого, но получается жалобно. Мне было так страшно, так одиноко, я думала, что замёрзну там одна.

– Ну всё, ладно, сейчас станет полегче. Слава богу, что живая, такая белая была, я испугался. Как себя чувствуешь? Согрелась? – отстраняется и смотрит в глаза. – А ты красивая. Жалко было бы.

– Очень болят ноги. Это нормально?

– Да, значит, не отморозила, – это он так успокаивает. А я от ужаса выпучиваю глаза, понимая, что могла остаться без ног.

– Вижу, приходишь в себя, но доктору бы я тебя показал. Давай дальше сама, а я за руль. Если моя машина тоже сдохнет, вот будет номер. Правда, бак я заправил перед поездкой полностью, в отличие от... – делает паузу и смотрит на меня вопросительно. А он симпатичный, и я тут же начинаю смущаться. Замечаю, что рядом лежит мой лифчик. Тянусь за ним, а потом стыдливо прячу за спиной.

– В отличие от Яны.

– Роман. Приятно познакомиться, Снегурочка-Яна. Нужно было срочно снять ледяную одежду, нельзя было терять ни секунды, – улыбается, и я снова смущаюсь. Кольца на пальце у него нет. Боже, зачем я об этом думаю?! Ага, самый важный на данный момент вопрос.

Он перелезает на переднее сиденье, вглядывается в замёрзшее лобовое стекло. Машина трогается.

Через некоторое время до меня доходит, что раз я в его ботинках, то он, наверное, босиком.

– Спасибо, мне уже полегче.

Возвращаю мужчине обувь, размер сорок пятый, не меньше. Сама же поджимаю ноги и кутаюсь ещё плотнее в одеяло. В машине тепло, едва уловимо пахнет пластиком. Его одежда, конечно, огромная, но пока я готова расстаться только с ботинками. Зубы продолжают отбивать весёлую чечётку. И тем не менее я чувствую себя практически счастливой. Живой! Я в безопасности, хотя допускаю, что радоваться пока рановато, – всё же я в автомобиле с незнакомцем, а снаружи темнеет катастрофически быстро. Окончательно успокоюсь, только когда доберусь до дома или, по крайней мере, заряджу телефон и дозвонюсь до отца.

– Пожалуйста.

Он переобувается, сделав короткую остановку. Периодически поглядывает на меня через зеркало – боится, что грохнусь в обморок? Хмурится: либо недоволен чем-то, либо беспокоится. Это приятно. Совершенно чужой человек за меня волнуется, в отличие от Кирилла.

– Спасибо, что не проехали мимо, как предыдущие две машины, – говорю я, сжимая ладони вместе. – Знаете, я же вам жизнью обязана, – и на эмоциях продолжаю: – Я теперь ваша должница, Роман.

– Ага, – соглашается, – я подумаю, чем можно расплатиться.

Не могу этого видеть, но почему-то уверена, что он закатывает глаза.

Минут через сорок машина начинает сбрасывать скорость, пока окончательно не останавливается в кармане. Я напрягаюсь, больше всего на свете боясь услышать что-то типа: «Мы сломались!» Этого ещё не хватало.

Роман оборачивается, включает свет, и я успеваю получше рассмотреть его лицо: передо мной определённо не Кирилл. Видимо, я уже начала впадать в бред, раз перепутала. Молодой мужчина, может, лет на пять-семь старше меня, симпатичный, мужественный, волосы коротко острижены, лицо гладко выбрито, а на щеке, слева от крыла носа, – небольшая родинка. Выражение лица у Романа суровое, недовольное. Тёмные брови всё ещё нахмурены, губы плотно сжаты, он впивается взглядом в мои глаза, будто по зрачкам пытается оценить, насколько я в адеквате. Становится неуютно. Почему мы не едем дальше? И тут вдруг ни с того ни с сего он начинает меня отчитывать, будто имеет на это право:

– А теперь давай начистоту: это ты своего мужика хотела проучить или попросту фатально сглупила? По заднице бы надавал, была бы моя, ей-богу! О чём ты вообще думала, выезжая одна в такой мороз? – больно ошпаривает мою самооценку вопросами. Целую секунду смотрит в глаза, а я чувствую, как краска приливает к щекам. Я настолько теряюсь, что даже зубы перестают стучать. – Ну слава богу, порозовела, – выдыхает и, потеряв интерес к ответам на свои вопросы, – грубые и, вероятно, риторические, – возвращается к дороге, жмёт на газ.

– Да, тупо получилось, но вы тоже не нагнетайте...

Его тяжёлый вздох перебивает мою пылкую возмущённую речь, и я принимаю поражение. Давненько со мной никто не разговаривал в таком тоне. Продолжая общаться с его затылком, я добавляю:

– Некому уже что-то доказывать, – возможно, завтра я передумаю, но сейчас ощущение, что мои чувства к Кириллу остались там, в ледяном мерсе на трассе. Он не поехал меня искать. Ему всё равно. И, судя по всему, мне теперь тоже. – Мне повезло, что вы проезжали мимо.

– Больше так никогда не делай. У меня сегодня выходной, я не должен был тут находиться. Случайное совпадение. Если отогрелась, перелезай вперёд, чувствую себя таксистом.

– Скорее уж спасателем.

Вновь делаю глоток из термоса. Там сладкий чёрный чай – в жизни ничего вкуснее не пила.

– Ты погоди радоваться раньше времени, может, я спас тебя для каких-то собственных целей, – при этих его словах машина вновь притормаживает, Роман включает поворотник, а я понимаю, что мы заворачиваем в небольшую и плохо освещённую деревушку. Ни одного фонаря, только кое-где окна горят да дым из печей поднимается в черноту неба.

Глава 2

Кручу-верчу в руках телефон с севшей батареей, гадаю, куда меня везут и с какой целью. Глупости, конечно, эти мои надуманные страхи, не маньяк же он, в конце концов? Ну не могло мне так удивительно «свезти» дважды за день!

А если маньяк?

– А куда мы едем, Роман? И зачем? – протискиваюсь между передними сиденьями, чтобы увидеть выражение его лица. Разговорчивым моего спутника не назовёшь, каждое слово хоть клещами вытягивай.

– Насиловать тебя везём, – бодро. – Надевай свои сапожки и готовься. У меня тут приятель живёт.

Мы тормозим у какого-то дома в полной темноте, лишь фары освещают облупившийся забор и собаки глухо лают где-то поблизости.

– Роман, если вы так шутите... – в панике бросаю взгляд на ручку двери, прикидывая, в каком случае имею хотя бы малейший шанс на спасение: если буду бежать или звать на помощь. В этот момент он оборачивается и качает головой.

– Давай на «ты?» Страшно, Яна?

Серьезный такой – одни догадки, что у него в голове творится.

– Правильно боишься, никто понятия не имеет, где ты и с кем. Испугайся как следует, чтобы в другой раз трижды подумала, прежде чем... – замолкает на полуслове. Наши лица оказываются слишком близко, мы оба закрываем рты и молчим целую бесконечную секунду. Не просто смотрим друг на друга, а будто поедаем глазами. И чем дольше это длится, тем сильнее ощущается. Иррациональные эмоции, а в голове звучат слова:

«Как же мне повезло, что появился ты. Как же мне повезло, что не проехал мимо».

Заливистый лай словно становится тише, посторонние звуки остаются где-то за кадром. Он так смотрит на меня, что я забываю дышать. Мне кажется, на меня никто никогда так не смотрел. Как на конфету, которую нельзя трогать ни при каких обстоятельствах, но при этом безумно хочется.

– Красивая ты, обалдеть можно, – быстро и неловко улыбается, отводя глаза, но потом снова возвращает свой взгляд ко мне. А мне будто только этого и хочется – добрых слов от него после того, как отчитал. Он берёт меня за руку, перебирает мои пальцы, а затем плавно тянет на себя и прижимается. Губами. К моим. В поцелуе.

Определённо, мы этого не планировали. Совершенно очевидно, оба хотим продолжения.

Он действует без пошлости и лишней наглости. Не идёт напролом, а просто прижимается своими губами к моим и замирает. Полное безумие! Мой мозг, вероятно, замёрз сильнее пальцев на ногах: он категорически отказывается работать. Я просто закрываю глаза и слегка улыбаюсь. В награду за покорность мне достаётся ещё одно робкое движение его губ, и я открываю рот. Его губы обхватывают мою нижнюю и нежно целуют. Меня окутывает аромат его туалетной воды, запах совершенно чужой и непривычный, это будоражит. Ещё одно несмелое движение, и теперь мне по-настоящему жарко.

Нас выводит из ступора хлопнувшая калитка и чей-то громкий раздражённый голос. Мужчина орёт на собак, призывая заткнуться и бежать в загон. Я отстраняюсь и непроизвольно касаюсь губ пальцами. Они горят, пылают. Кажется, я чувствую, как пульсирует кровь в сосудах.

– Я таких красивых вблизи ни разу не видел, – говорит мне Роман, растерянно приподнимая брови. А я понимаю, что до боли хочу этого мужчину. Неистово, как никого никогда в жизни. Его губы растягиваются в нервной улыбке. Кажется, он сам в шоке. Моё сердце так быстро колотится, что вот-вот покалечит рёбра.

Роман облизывает губы, слюпывает и, отстранившись, говорит хрипло:

– Если тебе нужно руки помыть или в туалет, то пойдём вместе.

Отводит глаза в сторону.

– Там точно безопасно?

Поспешно натягиваю сапоги.

– Конечно, ты ведь меня впервые в жизни видишь, – вновь смеётся, надевает пуховик и выходит из машины.

На улице темень, благодаря чему ни он, ни его друг не увидят моих пунцовых щек. Я – вовсе не скромница и не ханжа – в последний раз так часто краснела ещё в школе. Потом был первый курс, первый поцелуй с Кириллом Сысоевым и отношения длиной в восемь лет. Несколько раз мы собирались пожениться, дважды подавали заявление в ЗАГС, но каждый раз в последний момент что-то мешало. Откладывали. А потом вроде как... и так нормально.

Начали ссориться. Последние полтора года мы живём отдельно из-за работы: он не готов менять свою, чтобы жить со мной, а я не собираюсь уезжать из своего любимого города в эту дыру, даже ради него. Маме сразу не понравилась наша идея ненадолго разъехаться. «Нет ничего более постоянного, чем временное», – ругала она меня. Оказалось, мама предвидела будущее.

Я старалась чуть ли не каждые выходные мотаться к Сысоеву, но в последние месяцы встречи приносили больше ссор, чем радости. Оставляли на долгую рабочую неделю неприятный осадок в душе. Примерно с октября я начала ловить себя на мысли, что аккуратно со среды уже подыскиваю предлоги, чтобы остаться в пятницу дома и убедить не приезжать его.

Сегодня утром мы так сильно повздорили, что я в расстроенных чувствах выбежала из квартиры, которую он снимает, села в машину и вдарила по газам. Ни кофе не взяла, ни родным не написала, что в пути. Поэтому никто из близких меня и не хватился. А Кирилл знал, что я в дороге одна на трассе, и... не спас. Вместо него это сделал Роман. Какой ещё знак мне нужен? Всё очевидно.

В этот момент раздаётся стук по стеклу, я вздрагиваю.

– Ты идёшь? – спрашивает Рома. Конечно! Поблизости ни одного отапливаемого туалета – нельзя упускать столь заманчивой возможности.

В доме его друга я быстро переодеваюсь в свою одежду, и дальше мы держим путь, сидя рядом. Зимой темнеет рано, за окном тайга, по ощущениям – так и вовсе наступила глубокая ночь, хоть глаз коли. Редко-редко блеснут фары встречной машины. Попутчик сосредоточен на дороге, а я совсем уже отогрелась, слушаю музыку, жую сдобные булочки, которыми нас щедро угостили, думаю о своём.

Он сказал, что таких красивых ни разу не видел. Улыбаюсь и повторяю жест – касаюсь пальцами губ. Я знаю, что выгляжу привлекательно, и к таким простым комплиментам должна была бы отнестись с иронией, но отчего-то мне дико приятно. От скуки начинаю украдкой рассматривать салон машины и её владельца.

Мой спаситель – крепкий мужчина, выше меня на голову. Серьёзный такой, лишний раз не улыбнётся. За правым ухом замечаю небольшой шрам. Черты лица волевые, резковатые. Прямой классический нос и умные глаза – типичный такой спасатель снегурочек. Вроде бы простой парень, но с изюминкой. Качаю головой, прогоняя неправильные мысли.

Это очень плохо, что после пережитого меня тянет на авантюры?

– Извини, не стоило целовать тебя, ты и без того была напугана. Не удержался, – говорит он, не отрывая глаз от дороги. Это он поэтому молчал? Подбирал слова?

– Да ничего, я не в обиде.

Некоторое время мы снова делаем вид, что не знакомы и не целованы. Стоит отдать парню должное – он не пытается клеить меня, хотя я явно пришлась ему по вкусу. В данной ситуации все козыри на его стороне, я полностью беззащитна. Вот как ему это удаётся? Молча ведёт машину, а я час за часом накидываю ему новые очки.

– А ты куда едешь и откуда? Чем вообще занимаешься? Расскажи о себе.

– По работе мотаюсь, приходится иногда, – поспешно поправляет сам себя: – Часто. Чаще, чем хотелось бы.

Видимо, он имеет в виду друга, к которому мы заезжали. Значит, он из Хакасии и в Красноярск ему не нужно, он едет туда из-за меня.

– До последнего пытался отвертеться от этой поездки, теперь рад, что не удалось. Расскажи лучше, ты учишься, работаешь?

– Я уже отучилась, тружусь маркетологом в сети аптек, – самое время переключиться с его губ, сильных рук с красивыми длинными пальцами и всего остального тела, что не удалось пока рассмотреть, на что-то скучное, но зато приличное. – Работа нервная, так как помимо своих должностных обязанностей выполняю множество смежных, но мне нравится, – минут

тридцать я рассказываю ему о нашей компании, коллегах, наблюдаю за его реакцией, надеюсь разговорить самого. Очень уж он обтекаемо упоминает о себе. – И платят неплохо.

– Машину сама купила? Или парень помог?

– Отец. Он у меня самый лучший, балует подарками. С парнем, кажется, уже всё. Вот я сейчас зарядила телефон, – показываю на мобильный для пущей убедительности, – и ни одного пропущенного. Даже СМС нет, человеку просто нет дела, доехала я или замёрзла по пути.

– А тебе?

– Мне уже тоже, – по возможности беспечно улыбаюсь и делаю музыку громче, – наверное, всё к тому шло. Некоторые отношения должны закончиться, чтобы люди наконец стали счастливыми. Думаю, нам нужен был предлог. Последняя капля. Теперь она упала.

– Жалеть не будешь? – поглядывает на меня. Мы едем по серпантину, и он крайне внимателен, но старается не упустить оттенки моих эмоций.

– Нет, иначе бы не стала с тобой целоваться. А у тебя есть жена? – мало ли, а вдруг. – Девушка?

– Сейчас нет. Был женат, но тоже не сложилось.

– А что случилось? Расскажешь?

Мы въезжаем на пригорок, и на горизонте резко загораются тысячи огней, – ура, почти добрались! Какое счастье! Несколько часов назад я едва не потеряла надежду увидеть свой любимый город ещё раз.

– Много чего случилось. Говори адрес, на каком берегу ты живёшь?

– На левом, – и добавляю название улицы и номер дома. Рома кивает, знает, куда везти, без навигатора.

Почти девять вечера, суббота, пробок нет, на пути попадаются лишь небольшие заторы, едва нас задерживающие. Мы быстро приближаемся к цели.

– Завтра воскресенье, но ты всё равно постарайся найти эвакуатор. Плохо бросать тачку на двое суток. Бензин подвезти можно, но толку, я тебе гарантирую, не будет: мерс за ночь промёрзнет так, что нужно будет отогревать в гараже пушками. Не исключаю, что понадобится ремонт. Одна этим не занимайся. Тебе есть кому помочь?

– Да, позвоню папе.

Он кивает, паркует машину возле подъезда. Я смотрю на его камуфляжные поношенные штаны, тяжёлые ботинки. Наверное, он охотник или типа того.

Разве так бывает? Восемь лет встречаешься с одним мужчиной – и за каких-то несколько часов теряешь голову от другого. Если я сейчас отпущу его, буду ли жалеть об этом каждый день своей предстоящей жизни? Он медлит, а потом произносит:

– Ты говорила, что теперь моя должница. Так что, оставишь номер телефона?

– Конечно! Диктуй свой, я сделаю звонок.

Он повинуется.

– И на звонок ответишь?

– Безусловно. Да и вообще, на будущее, я же работаю в сети аптек – если тебе понадобятся какие-то лекарства со скидкой...

Он начинает смеяться:

– Да разве что презервативы.

– Ну, этого добра навалом!

– У меня с собой тоже.

Быстрым движением он отстёгивает ремень, тянется и снова меня целует, но теперь уже без разгона. Сразу в пекло! Я совершенно не понимаю, что происходит и почему мне так нравятся его прикосновения и ласки. Он другой, я никогда не общалась с такими, как он. Даже разговаривает необычно, будто вкрадчиво. Простой и одновременно как будто... настоящий.

Он легко обнимает меня, гладит плечи, перебирает пальцами – я чувствую даже через свою парку. Сейчас он изрядно тормозит себя, и я предвкушаю, как это – спать с ним, когда он заводится по-настоящему. Провожу пальцами по его затылку, и сердце ускоряется. Чувствую себя девственницей с первым в жизни мужчиной. Внутри трепещет, аж колени дрожат.

У него очень крепкие плечи. Наверное, всё тело спортивное.

Я ведь взрослая. Мне необязательно оправдываться перед кем-либо за свои желания. Если я хочу переспать с мужчиной, пусть даже он охотник, то могу сделать это в любой момент. С моим прошлым покончено. Если бы Кирилл позвонил сейчас, меня бы это, возможно, остановило, но он не позвонил. Прошло пятнадцать часов с нашего последнего разговора.

– А ты сейчас куда собирался? – спрашиваю между поцелуями, запыхавшись.

– Домой, – отвечает. Так далеко. Минимум семь часов ночью по опасной трассе после тяжёлого дня.

– Хочешь у меня переночевать?

– Ещё как.

Он подаётся вперёд и углубляет поцелуи, от которых голова кружится.

– Но это не благодарность за спасение, это просто... предложение. Потому что мне так хочется. И чтобы тебе не ехать в такую даль снова.

– Конечно, – он впервые использует язык, до этого – только губы. Мне нравится его вкус. Интересно, а ему – мой? Наверняка тоже, он же сказал, что такой красивой ни разу не видел. Эта фраза придаёт смелости, и я улыбаюсь, чмокая его в губы. Провожу кончиками пальцев по его щекам, по затылку и плечам под курткой. Он совершенно не возражает. Безумие, я совсем ничего о нём не знаю. Он спас мне жизнь – этого достаточно? Внизу живота ощутимо ноет. Оказывается, меня возбуждают столь пикантные ситуации.

– Идём?

Глава 3

Дверь он мне не открывает, но делает несколько шагов навстречу, чтобы взять за руку. К счастью, в подъезде пусто – никто из соседей не становится невольным свидетелем моего падения. От волнения и трепета подкашиваются ноги.

Мы поднимаемся в лифте на четырнадцатый этаж. Поездка кажется нескончаемо долгой. Всё это время он держит меня за руки и разглядывает. Похож, конечно, на дровосека – крепкий парень в походной одежде. Но зато тёплой. Не знаю, стоит ли говорить что-то, немного страшно. Спонтанный секс – как это? Удаётся ли женщине испытать оргазм при первой же близости с мужчиной? Какие потом ощущения и мысли в голове? От нетерпения хочется при-танцовывать.

Дрожащей рукой я достаю из сумки ключи, с четвёртого раза попадаю в замочную скважину.

Мы заваливаемся в квартиру, я включаю свет, и тут внутри всё обрывается. Об этом я совсем не подумала, а ведь... здесь кругом вещи Сысоева. Повсюду. В шкафах висит его одежда, на тумбочке лежат перчатки, которые я приготовила, но забыла отвезти ему. В ванной зубная щётка и бритвенный станок, на кухне – любимая кружка. Меня бросает в пот. Я замираю, не в состоянии сдвинуться с места, отчётливо понимая: не смогу.

Там, в лесу, ничего не мешало, а тут – какой-то ступор. И хочется и колется.

Вот так сразу, на кровати, которую покупали вместе, на постельном, которое выбирала для нас. Не смогу с другим мужчиной. Я переоценила себя.

Роман стоит за моей спиной, пока я разубаюсь, не говорит ни слова. Тоже почувствовал перемены? Корю себя за смелое предложение!

Будет лучше всего, если он сейчас уйдёт. Крепко зажмуриваюсь. Пожалуйста, просто уйди. Но он по-прежнему в квартире, тоже разубаётся, снимает куртку. Совершенно чужой

мне человек. Что я о нём знаю? Что его зовут Рома и он водит чёрный «БМВ»? Что он не прочь взять попутчицу и перепихнуться с ней в конце пути? Его руки обнимают меня за талию со спины. Крупные ладони скользят вверх, потом вниз.

– Слушай, я... – начинаю, обернувшись. Он внимательно смотрит на меня, продолжая поглаживать.

– Испугалась? Передумала? – заканчивает мою мысль.

– Ты тут ни при чём. Вернее, при чём, конечно. Я тебя не знаю. А если уж совсем честно – видимо, мне сначала нужно поставить точку в отношениях с Кириллом. Сказать ему, что всё кончено.

Он берёт с тумбочки мой мобильный, который я пару секунд назад туда положила, протягивает мне и говорит:

– Так звони. Ставь точку.

Мы смотрим друг на друга, после чего я беру сотовый и подношу к уху.

– Ты не против, если я приму душ? – спрашивает ровным голосом, но выглядит, конечно, разочарованным. Очень недоволен. Ему, наверное, кажется, что я играю с ним. Так, по сути, и получается.

– Да, без проблем. Ванная там.

Пока Рома моется, я несколько раз пытаюсь дозвониться до Сысоева, но тот упорно не берёт трубку. В бешенстве я едва не разбиваю телефон о стену.

Затем одёргиваю себя: может, с ним что-то случилось? Захожу в лайфграм: а нет, всё в порядке. В сторис фото и видео, где он пьёт виски с друзьями, курит кальян прямо сейчас. Когда я кусочком льда лежу в тачке на трассе. Лежала бы. Вот ублюдок.

Неожиданно для себя понимаю, что чувствую облегчение. Он меня не любит, а я больше не люблю его. Всё кончено, и от этого легко-легко на душе!

Наверное, Рома голодный, чем-то нужно покормить мужика перед дорогой. У меня, как назло, ничего особо нет, я же планировала вернуться только завтра к вечеру. Так, посмотрим.

Когда Роман заходит на кухню в своём облегающем термобелье, у меня уже всё готово.

– Как насчет омлета и сэндвича с ветчиной и сыром?

– Звучит почти так же заманчиво, как секс.

Это был укол – я точно понимаю по тону. Справедливо. Он присаживается за стол. Ведёт себя немного скованно после моего отказа, осматривает обстановку в кухне-гостиной.

– Хоть как-то угожу! – пытаюсь свести всё к шутке. Выходит глупо, он не улыбается.

– Удалось дозвониться? – спрашивает. Честно говоря, чем дольше я смотрю на него, тем больше он мне нравится. А чем больше нравится, тем сильнее я начинаю стесняться и мысленно прикидывать, стоит ли начинать с ним долгосрочные отношения, о которых он речи даже и не заводит. Я страдальчески морщусь: ну почему мне хочется сразу же всё усложнить?!

– Так дозвонилась или нет? – повторяет вопрос.

– Ты на меня немного давишь, если честно.

– Я знаю, я такой. Так что?

– Не-а, игнорирует, обиделся. Бухает с друзьями.

– Супер.

Впервые мне становится стыдно. Стыдно за бывшего перед... хм, будущим?

Раскладываю еду по тарелкам. Некоторое время мы молча жуем, потом он просит сварить кофе, чтобы не уснуть за рулём, а меня начинает мучить совесть, что выгоняю его на улицу ночью. На столе пищит брелок от машины.

– Автопрогрев включился, – объясняет.

– Машина уже остыла? Так быстро?

– Ага, – говорит и смотрит на меня. – В этом году февраль зверский.

– Слушай, ты можешь лечь в гостиной. Мне нужно... переспать ночь с этим решением, потом вернуть все *его*... вещи. И тогда я почувствую себя полностью свободной. Тебе тоже, наверное, неловко?

– Да мне пофиг, – пожимает плечами. – Но парень твой – тот ещё мудака.

– Ты бы позвонил после крупной ссоры своей девушке узнать, добралась ли она? Ответил бы на её звонок?

– Разумеется. Это же вопросы безопасности. Но я тоже мудака, в другом только ключе. Всё же, думаю, стоило бы показать тебя врачу. Может, сгоняем в травму?

– И не лень тебе?

– Ну мне же хочется сыграть на контрасте. Собирайся, тут недалеко есть травмпункт. И одевайся, бога ради, по погоде.

Мы действительно едем в круглосуточный травмпункт, стоим минут тридцать в очереди, после чего врач меня бегло осматривает, проверяет давление, пульс, задаёт несколько вопросов, удовлетворённо кивает на ответы. Выписывает справку и отпускает с миром.

– Так что, Рома, – я назвала его Ромой вслух, а не только в своих мыслях, – воспользуешься диваном в гостиной?

– Нет, не вижу смысла. Но до двери тебя провожу.

Мы снова проделываем весь этот путь из машины в подъезд, затем в лифте на четырнадцатый этаж. Дежавю, на которое тут же откликается моё тело: сердечко разгоняется, ладони потеют от волнения. Квартиру я, правда, открываю всего со второго раза – прогресс. Роман закрывает за собой дверь и на мой недоумённый взгляд отвечает:

– Разденешься для меня?

Такой простой, невинный вопрос-просьба. Мы больше не в тайге, здесь – моя территория, и он позволяет себе наступление.

– Ром, я же попросила время.

– Просто разденешься. Я хочу о тебе думать. Ты говорила, что моя должница, Яна, – он снова давит интонациями. Я смотрю на его губы, подбородок. Скольжу взглядом по шее и ниже. Он по-прежнему в куртке, мне остаётся только по памяти угадывать его силуэт под ворохом одежды.

Между моих ног в момент становится горячо, он всего лишь просит раздеться, а я уже готова для него. Не могу себе представить никакого другого мужчину или иную ситуацию, чтобы я отреагировала так же. Допустим, в баре, на работе, в ресторане... с каким-то другим незнакомцем.

Сердце колотится на разрыв, когда я тянусь к краям свитера и тяну его вверх.

Роман опирается спиной на входную дверь, скрещивает руки на груди. В квартире на всю катушку работают батареи, а от него веет морозом. Мне одновременно жарко и холодно, волоски на теле встают дыбом. Я медленно раздеваюсь, он смотрит голодно, кивает, поощряя.

Джинсы вниз, следом шерстяные колготки – тот ещё образ, конечно.

Теперь я в одном белье.

– Так? – спрашиваю его, выпрямляясь в полный рост, расправляя плечи.

– Да, как с обложки. Я так и думал. Мы сделаем следующим образом: сейчас ты ложишься спать. А завтра утром встаёшь в шесть, пакуешь чемоданы своего утырка, после чего одеваешься так же, как сейчас. Я подъеду к восьми за ключами и документами – так уж и быть, займусь спасением мерса.

– Но перед этим ты меня трахнешь.

Я тоже оперлась о косяк спиной, слегка прогнулась в пояснице, притом моя левая рука соскользнула, но, к счастью, удалось не упасть. Вдобавок слово «трахнешь» из моих уст прозвучало скорее комично, чем сексуально. Я чувствую себя полной идиоткой, строящей из себя ночную жрицу. Он улыбается и отвечает:

– Да. Именно.

Обласкав меня взглядом от кончиков пальцев ног до макушки и пожелав спокойной ночи, Роман уходит, а я сползаю по стеночке вниз, обнимаю себя руками и покачиваюсь. Мне совсем не грустно. Щёки пылают, бельё мокрое насквозь, грудь ноет, сна ни в одном глазу. Очень острые эмоции – я с такими не привыкла справляться, рискую порезаться. Мне нравится. Я хочу порезаться. Пропустить их через себя. Я и не знала, что способна на такие.

Божечки, всё же я пересплю со своим дровосеком. Мы сделаем это без лишних вопросов. Наверное, он к такому привык. Вдруг мне тоже понравится?

Решительно сжав пальцы в кулаки, я иду в спальню, распахиваю створки шкафа и с остервенением достаю оттуда вещи Кирилла, бросаю на кровать. У меня как раз есть два огромных чемодана.

Глава 4

Поспать мне не удаётся ни одной крошечной минутки. Какой может быть сон, когда жизнь кардинально меняется? Нет, не так. Я сама её меняю! Пожалев соседей, я не стала включать музыку, орудовала в тишине. Зато к шести утра все вещи были перебраны, аккуратно сложены и упакованы. Навалившись всем телом, я застегнула второй чемодан, плюхнулась сверху и выдохнула. Вот это да!

Большая проделана работа, но зато и упрекнуть меня будет не в чем. Эту квартиру купил мне папа давным-давно, ещё до Кирилла. Папочка же сделал здесь ремонт, обставил мебелью и бытовой техникой. Кирилл не имеет к данному жилью никакого отношения. Всю ночь я пыталась до него дозвониться – ноль реакции. Зато в лайфграме появились три новые фотографии – он продолжал отрываться и наслаждаться жизнью с друзьями. Наверное, думал, что наказывает меня таким образом. Преподаёт урок. Дескать, смотри, мне и без тебя нормально! Интересно, ему стало бы за это неловко, если бы я погибла вчера на трассе?

Долго стою под душем, затем привожу себя в норму. Трачу около получаса на причёску, чтобы создать впечатление эффектного беспорядка, подвожу глаза – на большее сил не остаётся. После чего варю, наконец, крепкий кофе. Едва я сажусь за стол и в очередной раз набираю номер бывшего – о чудо, Сысоев берёт трубку на третьем гудке.

– Яна, прекращай свою истерику. Ты меня задолбала, ей-богу, – голос хриплый, сонный или просто пьяный – непонятно.

Спокойствие, только спокойствие.

– А я не по этому вопросу звоню, – не время обижаться на раздражённый тон. Да и, честно говоря, обиды я не чувствую. Мы частенько ссорились раньше, ещё сильнее, чем вчера, и каждый раз я переживала, принимала разлад близко к сердцу. А сейчас мне ровно. Перегорела. Не осталось даже злости. Я правильно поступаю, это конец. Когда женщина перегорает, уже не поможет ничего. От ненависти до любви, возможно, и правда один шаг. А от образовавшегося безразличия до хэппи-энда – бесконечная пропасть. Нам её не перепрыгнуть, Кирилл. Приободрившись, я перехожу к главному: – Мне нужно тебе кое-что сказать, Кир. Я обдумала твои слова. И знаешь, к какому пришла выводу? Ты совершенно прав!

– Неужели? И в чём подвох?

– Мы разные, я слишком многого от тебя требую, – вздыхаю и продолжаю: – Недостаточно даю в ответ. Нам лучше расстаться. Подожди только, не спорь, обдумай мои слова и поймёшь, что другого пути нет. Мы давно перестали быть парой, в последнее время будто... издевались друг над другом по привычке. Кирилл, ты теперь свободный человек, можешь делать всё, что хочешь. И я полностью свободна.

Он молчит, и я ставлю последнюю точку:

– Я не спала всю ночь, собрала твои вещи. Когда будет возможность, забери, пожалуйста, я пока сложу чемоданы на балконе.

– Ты всё решила? – спрашивает. Не злится, но озадачен. Мой спокойный уверенный тон показательнее любых подобранных слов, особенно на контрасте со вчерашним расставанием. Я не плачу, не психую, ни в чём его не обвиняю. – Удивила, конечно, Яна.

– Да, так будет лучше. Согласен?

– То есть мы вот так просто расстаёмся без каких-либо скандалов и претензий? Ты уверена, что ничего не хочешь добавить?

Кажется, он даже обрадовался. Это к лучшему.

– Совершенно точно.

– Нам бы встретиться и всё обговорить ещё раз. Вот так по телефону расставаться неправильно. Я просто... в замешательстве.

– Как-нибудь обязательно выпьем кофе и всё обсудим. Но не сейчас. Прощай, Кир.

Некоторое время он ещё пытается продолжать разговор, потом сдаётся и желает мне удачи, после этого я сбрасываю вызов и довольная иду одеваться в трусы и лифчик, как было велено. Некоторое время размышляю над тем, не слишком ли доступно себя веду, после чего напяливаю сверху короткий домашний сарафан. На часах только половина восьмого, времени впереди – вагон, я присаживаюсь на диван и думаю: «Что, если Роман не приедет?»

С облегчением прихожу к мысли, что ничего страшного не случится. Тогда я лягу отдохнуть, а затем позвоню отцу и попрошу помочь с машиной. В понедельник выйду на работу как ни в чём не бывало. Буду только иногда вспоминать поцелуи с дровосеком и улыбаться. Я рассталась с Киrom не из-за Ромы, просто так было правильно.

Я не заметила, как завалилась на диван, подтянула колени к груди и задремала.

Будит меня стук в дверь. Четыре негромких удара подряд, затем короткий звонок. Поначалу не могу понять, где я и что вообще происходит, как бывает, когда резко выдёргивают из мира грёз в середине длинной фазы сна. Нашупываю телефон – восемь пятнадцать. В дверь снова стучатся, я сажусь и потираю лоб. На телефон падает сообщение: «Яна, тук-тук. Уснула?» – от Ромы.

Хотя я отрубилась на каких-то пятнадцать-двадцать минут – трудно назвать такой отдых полноценным, – начинаю смотреть на ситуацию немного иначе. Мне вновь становится страшно. Сегодня *он* уже не спасатель снегурочек. Вдруг без романтического флёра нависшей смертельной опасности *он* мне не понравится совсем? В своих рабочих штанах и огромном тёмно-зелёном пуховике.

Что, если не открывать ему? А потом, ближе к вечеру, договориться с совестью и воспитанием, отправив короткое сообщение: «Прости, крепко спала, ничего не слышала». Кончики пальцев покалывает от волнения, я на цыпочках подхожу к двери, смотрю в глазок – стоит. Одежда, правда, другая, но не узнать невозможно. Сердце: бах-бах-бах. Стоит ещё минуту, глядит на экран телефона, затем убирает его в карман, разворачивается и направляется к лифту.

Я быстро отпираю замки и распахиваю дверь:

– Прости, уснула! Заходи, Ром.

– Так и подумал. Привет, – он широко улыбается, и отразившаяся на лице радость будто ненадолго показывает его настоящего, без непроницаемой маски серьёзности.

Наши глаза встречаются, а потом он быстро заходит, закрывает дверь и обнимает меня, сразу прижимая к себе. Своей активностью я скорее мешаю, чем помогаю ему снять чёрную куртку, но не могу перестать суетиться и в конце концов просто повисаю на его шее. Он легко приподнимает меня за бёдра, и я тут же обвиваю его ногами.

– Верись, нет: я не спал ни секунды, – говорит мне, всё ещё улыбаясь. Глаза блестят. Ничего за эту ночь не изменилось, и я хочу его по-прежнему сильно. Безумие продолжается!

Мы целуемся жадно, будто лучшие любовники, которые долго не виделись и наконец дорвались друг до друга. Он несёт меня в комнату, не выпуская из объятий, встаёт коленями на диван, наклоняется и осторожно укладывает на спину, нависает сверху.

– Расскажи мне хоть что-нибудь о себе, чтобы я на это опиралась, – буквально умоляю. Он смеётся, я тоже улыбаюсь. Сжимаю его твёрдые руки выше локтей и гадаю, сколько же нужно перерубить дров, чтобы заполучить такие? Хотя лгу. Сегодня он не похож на дровосека: напротив, в хороших джинсах и эффектной рубашке. На левой руке неплохие часы. Сменил образ с лесного на городской. Пахнет от него той же туалетной водой, что и вчера.

– Опирайся на меня, – снова целует. Он всё ещё полулежит у меня между ног, я веду пальцами по его груди, ловко расстёгивая пуговицы. – Спрашивай что хочешь – отвечу. Давай для начала три вопроса.

– Ты спортсмен? – срывается с губ, и я закатываю глаза от собственной глупости. Ага, это самое первое, что нужно спрашивать у парня, перед тем как переспать с ним.

– Да, – как всегда, «многословен».

Он целует мою шею, скользит губами к чувствительной коже за ухом, а я от удовольствия не могу сдержать тягучих стонов. Это безумно приятно. Не знаю даже, существует ли хоть что-то приятнее того, что он сейчас со мной делает. Выгибаюсь под ним, что совершенно не способствует его самоконтролю. Крепко обнимаю его торс ногами, сжимаю, и он толкается бёдрами. Пора переходить к главному, иначе я просто взорвусь.

– Кем ты работаешь? – вот, уже поинтереснее.

– Тренером. Инструктором.

Он стягивает с меня сарафан через голову, а я помогаю ему освободиться от рубашки. Боже, он отлично выглядит. Тело к телу, губы к губам. Поцелуи теперь крайне влажные, крайне глубокие. Но не слишком. Всё просто идеально. Он тянется рукой и трогает меня там, ниже живота. Нежно поглаживает. И то, что я раньше писала про шею, – вот сейчас мне ещё лучше. Только быстрее бы, пожалуйста...

– Фитнес-инструктором?

– Нет.

– Кого ты тренируешь? Неужели детей?

– Ну-у, я бы не назвал их прям детьми, но можно и так сказать. С большой натяжкой. Три вопроса закончились, моя очередь. Ты послала своего бывшего?

– Да.

– Умничка.

– Где ты ночевал сегодня?

– Хватит пока вопросов. Следующие придётся заслужить, – произносит низко, сопровождая очередное указание нежнейшим поцелуем в губы.

И в этот момент, когда мы уже практически перешли к взрослому сексу, по закону подлости его сотовый начинает вибрировать в заднем кармане.

Рома замирает, утыкается мне в шею, тяжело и прерывисто дышит несколько секунд, потом тянется к телефону.

– Это что, обязательно? Надо вот прямо сейчас отвечать? – спрашиваю обескураженно. Нет, ну в самом деле. Что может быть важнее того, что происходит в данную минуту?

– Сейчас узнаем, прости.

Он смотрит на экран, чертыхается. Встаёт, выходит в коридор и произносит: «Да, слушаю», «Не сплю», «Голос такой, потому что как раз таки не сплю». Говорит сдержанно, с лёгкими, едва уловимыми нотками раздражения, которые пытается скрыть. «Понял, сейчас буду».

Теперь настала моя очередь чертыхаться.

Он заходит в комнату: обнажённый по пояс, в низко посаженных джинсах. Плоский живот с выделяющимися боковыми мышцами, рельефная грудь, широкая дорожка волос, уходящая вниз под штаны... И это всё должно быть сейчас моим. Моим! Если он скажет, что нужно ехать, я расплачусь. И обзову его. Или вообще пошлю куда подальше!

Он определённо спортсмен. У меня срывается секс с тренером, возможно детским, и я готова шмыгать носом. Он смотрит на меня, страдальчески морщится, тяжело вздыхает. Я понимаю, что ему самому несладко, но тем не менее чувствую себя немного обиженной и облегчать ему задачу не собираюсь. Откидываюсь на подушке, развожу шире ноги, будто позирую для эротической фотографии.

Рома качает головой, глядя на меня. Подходит к дивану, опускается на корточки, кладёт ладони на мои икры и рывком подтягивает меня к себе. И в ответ на моё громкое «Ай!» целует живот, лобок через тонкую кружевную ткань, затем колени.

– Янка, мне нужно идти. Это срочно. Редко вызывают, но не приехать нельзя. Не думал, что именно сегодня меня так подставят.

– Уверен, что не можешь немного опоздать? Я смогу быстренько! – зажмуриваюсь и радуюсь, что он не смеётся надо мной. Открываю по очереди глаза – ему определённо не до смеха. Я упираюсь пальцами ног в его плечо, слегка отталкиваю. Тут же пугаюсь, гадая, не перегнула ли под действием момента, но он быстро целует мою ногу, снова колени, потом живот. Мой жест, слава богу, не воспринимает как попытку унижить его. Я уверена, у него даже мысли такой не мелькает. Мне кажется, он бы меня всю облизал до кончиков пальцев, и я бы позволила ему.

– Не могу, я и так не должен тут прощания разводить.

– Нужно срочно кого-то потренировать?

– Типа того. Ты собрала ключи и документы? Я нашёл эвакуатор и сервис. Как освобожусь, займись твоей машиной, идёт?

– Да, всё на тумбочке, – указываю на приготовленный заранее пакет.

– Просто супер.

Он отстраняется, поднимает с пола свою рубашку, поспешно одевается. Отмечаю его оттопыренную ширинку и чувствую себя почти отомщённой. Прощаю Рому и даже помогаю ему застегнуть пуговицы. Пальцы дрожат, плохо получается, оба стоим, следим за неуверенными движениями моих пальцев. Оба изрядно на взводе. Ну же, сорвись. Забей на свои дела.

– Я позвоню, как закончу, расскажу новости, – произносит безэмоционально.

– Я буду ждать. Спасибо.

– Пока не за что.

– Эй, Ром, покажи мне хоть свой паспорт.

– Это ещё зачем? – оборачивается уже у двери. Отвечает так, будто услышал самый невероятный идиотизм в жизни.

– Но... ты забираешь ключи от мерса, а я не знаю о тебе ничего, кроме имени и номера машины, который, кстати, забыла запомнить.

Он смеётся, но достаёт из кармана портмоне, протягивает мне свои права.

Ага, Дёмин Роман Сергеевич, двадцать восемь лет. Родился в Красноярске. Местный, значит.

– Всё, до связи, – быстро обувается, натягивает куртку. – Держись, не сдавай позиций, когда припрётся твой бывший. Помни: он чмошник. И он тебя не стоит, хотя и будет уверять в обратном, – он неожиданно резко притягивает меня к себе, затем жадно целует в губы. – Пока.

– С чего ты взял, что он припрётся? – приподнимаю брови и посмеиваюсь. Кажется, кто-то волнуется, что упускает свой шанс. Изрядно волнуется.

– Я бы точно припёрся.

С этими словами Роман Сергеевич покидает квартиру, а мне снова остаётся только сползать по стеночке и страдать, спрашивая себя, почему судьба так жестока и этот ужасно занятой тренер до сих пор меня не поимел.

Слово-то какое: «поимел». Оно жжёт язык, когда произносишь вслух. Я достаточно взрослая, чтобы употреблять его. Чтобы желать именно такого секса: импульсивного и без лепестков роз на кровати в форме сердечка. Особенно с таким мужчиной, как Рома. Он словно

волшебная пилюля для женщин, начинающих новую жизнь. Мне хочется принять эту пилюлю. Я практически уверена, что стыдно не будет.

Глава 5

Впереди абсолютно свободный день, что для меня, довольно долго живущей на два города, непривычно. Учиться не хочется, заниматься йогой – нет настроения. Некоторое время бесцельно слоняюсь по квартире, раздумывая, куда потратить пульсирующую в жилах энергию. Затем решаю поехать к родителям. Как бы там ни было, впереди долгая неделя и, возможно, нам не удастся обстоятельно поговорить. О разрыве с Сысоевым они должны узнать одними из первых и желательно от своей дочери.

Две мои самые близкие подруги живут за тысячи километров от Красноярска. На данный момент они единственные, кому бы я могла и хотела рассказать про Дёмина, но мы общаемся в основном посредством ватсапа, а писать о Романе я пока не готова. Возможно, чуть позже устройю скайп-конференцию. Это не так просто, учитывая разницу во времени. Они, конечно, покрутят у виска, но по крайней мере не станут осуждать. Наверное. Надеюсь. Остальные же в моём окружении – коллеги и приятельницы, с которыми секретами делиться попросту глупо.

Да, у меня появился секрет ото всех на свете. Рома – под моей кожей, по ней теперь ток пробегает, когда вспоминаю его жадные взгляды, неловкие улыбки.

Глупая Яна едва не отдалась какому-то тренеру, радостно вручила ему ключи от своей машинки и ходит довольная. И почему-то думает о себе в третьем лице, чем невозможно как сама себя бесит.

Мама с папой изрядно удивлены встрече. Рады, конечно, но прекрасно осведомлены, что в это время я должна быть с Кириллом у него дома. Сюрприз! Так вышло, что я нарисовалась на пороге без предупреждения: даже в домофон не позвонила, потому что консьержка заметила меня из окна и заранее открыла подъезд. От них сразу первый вопрос:

– Яна, что случилось?!

– Привет, мам, пап! Мне что, нельзя просто соскучиться?

Они настроены скептически. Не верят, сразу чувствуют подвох, а может, у меня на лице всё написано. Кому с него читать, как не самым близким?

– Ладно, сдаюсь. Новости есть и не суперские, – это я уже от Ромки хватанула его «супер-не супер», – но и не трагедия. Сейчас всё расскажу. Только давайте что-нибудь поедим, хотя бы бутерброды.

Не хочется говорить о Кире гадости, как и волновать своих лишний раз. Отец с ума сойдёт, если узнает, что я пережила вчера. Поэтому я ограничиваюсь общими фразами, что разочаровалась в этом мужчине и попросила свободы. А на такси приехала, потому что машина промёрзла за ночь.

– Да, небывалые холода в этом году, – соглашается папа. Он у меня хороший и спокойный человек. Брата моего, который сейчас работает в Москве, воспитывал в строгости, тогда как меня – баловал и продолжает это делать до сих пор. Он никогда меня не ругал – наоборот, оправдывал каждый мой глупый поступок. Может быть, дело в том, что я девочка, а может – что поздний ребенок: я родилась, когда папе было уже сорок шесть. Наверное, в ответ на его доброту этих самых проступков я совершала так мало. Не хотелось чудить.

Они заметно расстроены новостью, что я снова одинока. За столько лет привыкли к Киру, считали членом семьи. Будто и не верят до конца.

– Делай, как считаешь нужным, дочка, но, если вы помиритесь, мы будем только за, – говорит мама, когда после обеда я помогаю ей убирать со стола и загружать посудомоечную машину. – Зря вы разъехались. Молодые не должны жить раздельно. У него, наверное, кто-то появился. Я права?

– Не знаю, мам. Замечен не был.

– Обычно так и происходит. Ты сама сказала, что он как будто всегда раздражён, а такое не на пустом месте появляется. Ты же знаешь мою подругу Марину?

Далее она приводит в пример различные случаи из жизни своих знакомых. С одной стороны, я понимаю, к чему она ведёт, и вроде бы даже согласна, но при этом мне кажется, что дело не только в раздельном проживании. Возможно, если бы мы так сильно любили друг друга, мы бы попросту... не стали даже рассматривать те предложения о работе? А раздражение... Разве следует строить семью людям, пусть изредка, но раздражающим друг друга ещё до ЗАГСа?

– Твоя вина тоже есть, – продолжает мама. – Кирилл интересный, перспективный. Живёт один, никто вечером после работы не встретит, ужином не накормит, постель холодная. Да-да, Яна, не смотри так на меня. А много ли мужчине нужно?

– Мама, ну он же не телок, чтобы идти за первой встречной, кто поманит!

– За первой, возможно, и не пошёл бы, а за десятой... Сколько вы живёте раздельно?

– Почти полтора года.

– Надо было тебе уезжать с ним.

– И кем бы я там работала? Чем занималась?

– Родила бы! Как раз декрет, а там, может быть, и повысили бы его.

– Ой, мама! Опять ты за своё.

Мама работает педиатром и очень переживает, что мне уже двадцать шесть, а я всё ещё бездетная. Она умиляется своим крохотным пациентам и мечтает, чтобы в нашей семье однажды (желательно чем скорее, тем лучше) появился свой собственный малыш. Не так давно она в сердцах попросила, чтобы я хотя бы просто родила и отдала ей ребенка на воспитание.

На эту тему спорить бесполезно, и мы её избегаем. Мы с Сыроевым всегда говорили о детях как о чём-то абстрактном, в ключе далёких планов на будущее. Очень далёких. А пока – точно рано. Мы оба не готовы. Кир поднимает стартап, неплохо получает и видит перспективы, но при этом сутками пропадает на работе. Ему не до семьи. Самостоятельно же принять столь важное решение было слишком страшно. А родить ребенка и отдать родителям на воспитание – это, честно говоря, бред какой-то.

Время тянется как раненое – стрелка едва движется вокруг оси. Чтобы как-то его убить окончательно, еду на шопинг в торговый центр. В первую очередь прочёсываю отделы с бельём и скупаю кучу всего красивейшего: беру чёрные, белые и цветные комплекты. Хочется, чтобы новый мужчина любовался мною в том, в чём никогда не видел предыдущий. Может, глупость, но я начинаю новую жизнь. Делаю то, что первым приходит в голову.

Затем сижу в кафешке, листаю лайфграмы любимых блогеров. Необычные чувства: я совершенно спокойна. Ежеминутно не проверяю телефон в ожидании сообщений от Кира, ловлю на себе взгляды незнакомых мужчин. Я даже могу кому-то из них улыбнуться, если захочу. Восемь лет отношений! Для меня всё впервые. Больше не существует правил, кроме тех, что я сама себе устанавливаю.

Но флиртовать с другими пока не хочется. А вот когда в половине восьмого приходит сообщение от Ромы с фотографией моего мерса в каком-то сервисе, мои губы сами расплываются в широкой и искренней улыбке. Машину моют. Видимо, уже отогрели и починили!

«Завтра после обеда можно будет забрать», – пишет мне Дёмин.

«Отличные новости, и снова спасибо!»

«Утром потеплело, и её изрядно засыпало снегом. Еле нашёл и откопал».

«Супер! Было бы обидно ждать весны для возобновления поисков», – пишу ему, в ответ приходит хохочущий смайлик. Ух ты!

«Ты приедешь?» – перехожу сразу к делу.

«Завтра».

И пока я размышляю над предлогом, чтобы продолжить разговор, он добавляет сам:

«Думаю о тебе», «Бесперывно».

«Я чувствую, мне всё время горячо», – отвечаю.
«Впервые в жизни недоволен своей работой».
«Я её уже ненавижу».
Он читает, но оставляет это сообщение без ответа.

Глава 6

Следующим утром я уделяю внешнему виду больше времени, чем обычно. Стараюсь, конечно, не переборщить, иначе коллеги подумают, что у меня день рождения. Роман в сети был в последний раз прошлым вечером. Наверное, ещё спит. Это и к лучшему, пусть отдохнет как следует.

Перед самым выходом из дома с сожалением отмечаю у себя все признаки начинающихся месячных. Всё к тому шло, но я надеялась, что позавчерашний стресс отсрочит данное событие хотя бы на пару дней. Не вышло, организм по-прежнему работает как часы. Принимаю сразу две обезболивающие таблетки: одной зачастую не хватает. Ну что ж, я где-то недавно читала, что чем больше мужчина делает для женщины, тем сильнее в неё влюбляется. Придется помучить Романа Сергеевича ещё немного.

Только не влюбиться бы в него самой: новые отношения – меньше, что мне в данной ситуации нужно, тем более с тренером. Боже, сегодня во сне со мной творилось такое с его участием, что даже перед собой неловко.

Благодаря не отпускающему морозцу пробок практически нет, зато в автобусе небывалая давка. С тех пор как отец подарил мне машину, я редко пользуюсь общественным транспортом, жалею, что именно сегодня пришлось. Но даже поездка в толкучке внутри ледяной железной коробки не портит настроение, и, залетая в наше офисное здание, я лучезарно улыбаюсь сначала охране, потом секретарю Светлане Юрьевне, с энтузиазмом приступаю к работе.

Поглядываю, правда, на часы периодически, убеждая себя, что дело в машине, о судьбе которой беспокоюсь. Где же Роман? Почему ничего не пишет? Сколько можно ждать? Я уже в офисе три часа тружусь.

Две сотрудницы, что находятся у меня в подчинении, уверяют, что поездки к Киру идут мне на пользу: выгляжу после них свежей и отдохнувшей.

– Да, спасибо, – усмехаюсь в ответ, – вот только мы расстались вчера. Может быть, поэтому так хорошо и выгляжу, кстати.

Они смотрят поражённо, украдкой переглядываются. Не проходит и минуты, как их пальцы начинают стучать по клавиатуре, – кажется, пошло обсуждение в чатах. Обычно я не выношу сор из избы и, если даже злюсь на Сысоева, крайне редко жалуюсь. Но ничего, пусть по офису погуляют слухи, встряхнут немного коллег, дадут отдохнуть от рутины.

В одиннадцать пятнадцать Роман выходит на связь и спрашивает, куда лучше подогнать мерс. Опасаясь, что вечером он снова будет занят, решаю пригласить его прямо сюда.

«Я работаю, – пишу адрес офисного здания. – Мы тут одни на улице, легко найдёшь. Приезжай к часу, у меня как раз начнётся обеденный перерыв».

«Пообедаешь со мной? Если нет других планов, конечно».

Других планов у меня не оказывается, и я отвечаю согласием.

Дёмин приезжает на полчаса раньше, я получаю СМС: «На месте. Не торопись, подожду», – во время летучки. Босс делится важной информацией на плановом еженедельном совещании, и улизнуть нет ни малейшей возможности. Опасаясь, что совещание может затянуться, я прошу Рому подождать в моём кабинете, выпить кофе. А секретаря – проводить его. Виртуозно строчу сообщения под столом на ощупь, при этом стараясь не упустить ни слова. Я, конечно, устроена сюда по благу, что скрывать, но обязанностями своими не пренебрегаю, у нас в семье не принято подводить друг друга.

«Всё в порядке, ваш гость в вашем кабинете пьёт кофе, от конфет отказался», – сообщает Светлана Юрьевна. Хороший знак! Целых тридцать пять минут я изнываю от нетерпения и желания перебить всех и отправить, наконец, работать – увы, никто, кроме меня, не торопится возвращаться к труду в этот понедельник.

Когда летучка заканчивается, я первой подрываюсь с места. Выражение «как ветром сдуло» – как раз про меня. Стараясь не цокать каблуками, я шагаю в сторону своего кабинета, и лишь когда до цели остаётся метров десять, снижаю скорость и наоборот, будто оттягиваю момент встречи. Ужасно волнуюсь.

Как же быстро и кардинально поменялись декорации: Дёмин в моём офисе. С ума сойти! Не умею я хранить секреты, даже свои сокровенные!

Открываю дверь и захожу, нервно улыбаясь.

– Привет! – говорю ему. Роман Сергеевич собственной персоной сидит на гостевом стуле, перед ним пустая чашка из-под кофе. Хоть гадалку зови после ухода этого загадочного мужчины, может, хоть она расскажет о нём что-нибудь существенное.

При взгляде на меня он улыбается.

– Привет ещё раз. Шикарно выглядишь.

Поднимается с места и делает два шага навстречу. Сегодня он снова в джинсах и тонком светлом пуловере, подчёркивающим достоинства фигуры.

В ответ на комплимент я закрываю дверь на защёлку и подхожу к нему вплотную, кладу ладони на его грудь, перебираю пальцами. Он не теряется, тут же обнимает в ответ, прижимает к себе, да так внезапно и жадно, что мои колени слабеют. Понимаю, что у него уже эрекция, а мы ведь только увиделись.

– Говори честно, скучал? – флиртую с ним.

Он бросает взгляд на окно, убеждается, что нас никто не может увидеть, после чего сразу начинает расстёгивать пуговицы на моей блузке.

– Зря дразнишь меня, – всё ещё улыбается. Склоняется и целует, в этот раз с языком, не церемонясь. Мои руки гладят его по затылку, поощряя. Середина дня, иногда я закрываю кабинет, когда ухожу надолго. Если кто-то постучит, а я не открою, они подумают, что я ушла обедать...

Простыми ласками мы мгновенно доводим друг друга до того состояния, в котором прошлый раз расстались. Я просто не могу остановиться. Не могу остановить его. Вместо этого лишь теснее к себе прижимаю, когда ласкает губы, направляю его, показывая, что хочу поцелуя в шею. Он тут же целует шею. И это его частое дыхание, от которого моё собственное рвётся... Мои пальцы уже забрались под его пуловер, гладят грудь и плоский живот. Он снова и снова целует мои плечи, мои ключицы. Мы как-то неуклюже облокачиваемся на стол, Рома крепко меня держит и, стягивая ляпочку бюстгалтера, склоняется к груди. Горячий язык касается соска, и я могу лишь дышать, прикрывая глаза от удовольствия, да ерошить короткие волосы на его затылке.

Его руки облапали меня всю, я прошу его вернуться к губам, наслаждаюсь его вкусом и граничащей с грубостью нежностью.

– Вижу, что скучал, Рома, – я хочу, чтобы он произнёс это вслух. – Можешь даже не отвечать, – сама себе противоречу.

– Очень, – честно признаётся. – Янка, ты пока не знаешь, но я мнительный до психоза, ночью думал, что тебя вчера... Чуть не потерял тебя вчера. Я в тебя просто... с пол-оборота. А мог не узнать и без всего этого... остаться, – он стягивает мои волосы, накручивает на кулак, немного больно, но не слишком. Я бы даже сказала, что приятно. Он тянет, заставляя меня поднять лицо и посмотреть ему в глаза. Он хмурится, смотрит серьёзно: – Я много чего видел, но давно так сильно не пугался.

Мне нравится эта грубость. Я даже не против, чтобы он был ещё грубее, поэтому охотно подчиняюсь. Он жадно целует мои губы, прикусывает нижнюю, облизывает мой язык, – всё это, не отпуская волос. Доминирует, а я подчиняюсь.

Расстёгиваю тем временем пуговицы на его левисах.

– Зато ты меня спас. Я думаю, оно того стоило, Ром, – вновь флиртую, но он шуток этой не понимает, тянет за волосы так, что ойкаю. – Больно, больно, Ром, – шепчу. Он освобождает волосы, обнимает за плечи и снова целует.

– Чтобы я больше такой херни не слышал, поняла почему?

Торопливо киваю. Не смешно потому что. Ему было совсем не смешно меня спасать, а потом беспокоиться всю дорогу. Он хочет меня, но при этом вспоминает ту бледную девицу, которую обнаружил, и ему не по себе. Может, ассоциации какие-то из прошлого. Со смертью он шутить, судя по всему, не любит. Спускаю его штаны с бёдер и обхватываю рукой твёрдый член. Рома так сильно возбуждён, что у меня голова кружится от предвкушения. Его руки тут же лезут под мою юбку, но приходится остановить их.

– Нет? – спрашивает без раздражения. – Что такое? Скажи, Ян. Что не так? Я исправлю. Что ты хочешь? – внимательно так смотрит, что моё сердце снова и снова разлетается на кусочки.

Не могу я обломать его и в этот раз тоже. Не после всех слов, что сейчас услышала. Он возбуждён до предела – я чувствую под пальцами. Да я и сама хочу. Не буду нам отказывать в удовольствии.

– У меня месячные.

– Это проблема?

– Да. То есть в первые два дня.

Он замирает, закусывает губу, но не злится. И его спокойная реакция является последним толчком. Я спрыгиваю со стола и опускаюсь перед ним на колени, чтобы было удобнее. Какой кошмар, в своём же кабинете стою на коленях и целую спасателю снегурочек низ живота. Оставляю влажные следы языком – так сильно мне нравится облизывать его кожу. Мышцы перекачиваются под моими пальцами – Рома непроизвольно напрягает пресс. Дорожка тёмных волос уходит под трусы, и я веду вдоль неё языком. Он всё ещё стоит неподвижно, не подготавливает, но периодически срывается на дрожь. И я специально мешкаю несколько секунд, чтобы продлить нашу агонию, лишь дышу на его эрекцию, едва касаясь губами, отчего он ощутимо дёргается. Целую его сквозь ткань белья. Рома опирается ладонью о стол, и я не могу сдерживать улыбки. Мой спортсмен опасается, что не устоит на ногах.

Приспускаю его джинсы ниже, теперь уже вместе с бельём, освобождая член. Он выглядит, конечно, великолепно, по-другому и быть не могло у такого мужчины. Большой, ровный, абсолютно готовый. Я ужасно его хочу. Обхватываю рукой ствол и жадно провожу по нему языком.

Ласкаю долго, с удовольствием. Настолько увлекаюсь процессом, что ни разу за несколько минут не поднимаю глаза вверх. Мне нравится всё: его вкус, запах, реакция на мои поцелуи. Не считаю себя гуру в этом деле, но сейчас действую на инстинктах и, судя по его твёрдости, – угадываю.

Ускоряю движения, сжимая крепче, глубже втягиваю в себя его плоть. Мне хочется сделать ему ещё приятнее. Дать так много, насколько только способна. Отдать ему всё... Второй ладонью держусь за его бедро, впиваясь ногтями в кожу, сама сходя с ума от эмоций, от остроты момента и ощущений. Я точно двинулась рассудком: отсасываю дровосеку в своём личном кабинете на пятом этаже нашего бизнес-центра, при этом сама сгорая от возбуждения.

Чувствую, что Рома уже на грани, касается моего затылка и чуть направляет, показывает, как ему хочется. Тут же подстраиваюсь – не проходит и десяти секунд, как он кончает мне в рот, тихо стонет при этом.

Некоторое время ещё ласкаю его, стараясь продлить ощущения. А потом не спеша поднимаюсь на ноги и прижимаюсь к его груди. В глаза смотреть боюсь. На его лицо – тоже боюсь. Трусливая ночная жрица. Не знаю, чего именно опасаясь, может, насмешки или критики. Просто прижимаюсь и жду. Он тут же обнимает меня обеими руками. Я оказываюсь в ловушке, в которой уютно и надёжно.

Интересно, хоть когда-нибудь я смогу не думать об этом потрясающем минете, приходя сюда по утрам?

– Ты как? – спрашиваю, запыхавшись. Мы оба дышим тяжело, как после гонки. Вот только гонки-то не было, она впереди, и от предвкушения всего, что меня с ним ждёт, мою кожу покалывает.

– Спасибо... за... кофе, – говорит прерывисто, и я улыбаюсь. – Это было вау, Яна. Просто нет слов. Возможно... – он все еще не может восстановить дыхание, – возможно, таким образом мы и сможем протянуть как-то эти два дня, пока проблема не исчезнет.

Он так серьёзно это произносит, что я прыскаю в ладонь.

– Я старалась.

Не удержавшись, целую его в шею, перебираю волосы на груди. И наконец поднимаю глаза. Мне нравится, как он на меня смотрит, крылья за плечами от таких взглядов расправляются. А то и вырастают, если не было ранее.

– Обед еще в силе? – спрашивает. – Наверное, я не готов прямо сейчас с тобой расстаться. И вообще, ты слишком хороша, чтобы перестать на тебя смотреть. А у меня всего две недели отпуска осталось.

Мы вновь застёгиваем все наши пуговицы – у кого на блузке, у кого на джинсах, некоторое время я поправляю причёску и макияж, он пьёт воду из бутылки.

– Я знаю тут один ресторанчик, куда точно никто не ходит из моих коллег. Слишком дорого. Можно туда. Если ты не против.

Эм, я вовсе не имела в виду, что хожу только в такого рода заведения. Надеюсь, он не воспримет мои слова как набивание себе цены. Или, что ещё хуже, не решит, что теперь меня надо накормить в благодарность. Но, к счастью, он вообще об этом не думает. Все тараканы – в моей голове. В его сейчас – штиль. Ответом мне служит короткий безразличный кивок.

Когда я прохожу мимо него к двери, он ловит мою ладонь и не удерживает, а просто проводит по ней пальцами – это безумно приятно. Как мимолетное объятие. Я чувствую себя совершенно счастливой.

Открываю дверь, надеясь, что коллеги ещё не успели вернуться с перерыва, – так и есть: коридор пустой. Мы с Ромой проходим до лифта, нам почти удаётся удрать, как мой взгляд наткнется на препятствие. Вот блин.

Именно здесь, в фойе, вместе с секретарём за стойкой информации стоит мой босс. Что-то показывает Светлане Юрьевне на мониторе, а услышав приближающиеся шаги, поднимает голову. Цепко осматривает меня, затем идущего следом Романа. При взгляде на Дёмина он хмурится и, кажется, даже прищуривается. Упс.

– Я думал, ты ушла на обед, – говорит мне Владимир Иванович. Лжёт, он так не думал, иначе бы не караулил у выхода. Ну что ж, сама виновата.

– Вот как раз туда мы и направляемся. Знакомься, это мой друг – Роман. Роман, это мой отец и руководитель компании по совместительству – Владимир Иванович.

Роман ничем не выдает шока, лишь слегка вскидывает левую бровь – едва уловимое движение, – протягивает отцу руку. Тот, слава богу, отвечает на рукопожатие.

– Приятно познакомиться, – приветствует его Рома, говоря абсолютно простым тоном. Благо мы отдышались, да и краска с лиц сошла, но этот лихорадочный блеск в глазах... Понятия не имею, что думает отец. Надеюсь, обо мне – только хорошее, хотя бы в основном.

– Взаимно. А, так вы обедать? Куда?

– В «Цезарь», – отвечаю бойко.

– Не против, если я составлю компанию?

Можно подумать, кто-то в состоянии ему отказать.

– Давно не ел их «Царскую» уху, рекомендую, кстати.

– Да мы только рады будем.

Смотрю на Романа, он пожимает плечами:

– Отличная идея, заодно посоветуете, что заказать. Я там буду впервые.

Втроём мы заходим в лифт, и я прикусываю губу, гадая, что принесёт мне следующий час.

Глава 7

В лифте папа украдкой рассматривает Романа. Я немного злюсь, что он срывает моё свидание. С другой стороны, обычно отец очень занят, редко удаётся пересечься в течение дня. Рома в отпуске на целых две недели – успеем ещё побыть вдвоём.

Дальнейшие события выглядят слегка комично и карикатурно из-за общей неловкости трёх малознакомых людей. Отец настаивает на том, чтобы ехать на его машине. Рома садится впереди, я – на заднее сиденье, благо путь занимает минут пять. Чтобы разрядить обстановку, мы обсуждаем несколько рабочих моментов, а потом, когда рассаживаемся в ресторанчике за столом и делаем заказ, папа, наконец, спрашивает то, что его действительно волнует:

– Я заметил, Роман, вы приехали на «Мерседесе» Яны.

Да уж, заметил он. Донесли!

– Помнишь, я говорила, что у меня замёрзла машина? Вот Рома как раз вызвался помочь: нашёл эвакуатор, проводил её в сервис. Так мы и познакомились.

– Вчера? – приподнимает отец брови. Ромка никак не выдаёт удивления моей ложью или, скажем так, адовой недоговорённостью. Я тяжело вздыхаю. Так дело не пойдёт: папа, должно быть, решил, что я спятила, раз отдала ключи от тачки чуваку, которого знаю от силы пару часов. Да и Дёмин, возможно, будет недоволен преуменьшением своей роли во всей этой истории. Он начинает рассказывать, что у меня там что-то перемерзло, какие-то трубки лопнули, их названия в одно моё ухо влетают, из другого тут же вылетают.

Папа задаёт вопросы, Роман отвечает, рассказывает про сервис, добавляет, что мне там установили крутой автопрогрев, как у него, который на время морозов следует включать круглосуточно, в том числе на ночь, чтобы ситуация не повторилась. Я понимаю, что нагло втянула его в своё враньё.

– Если уж совсем честно, пап, всё было немного не так, – произношу со вздохом, после того как доедаю салат и ощущаю себя морально готовой. – Только ты маме не говори, ей может плохо стать, не хочу срывать её поездку к тёте Соне.

Отец внимательно на меня смотрит, отложив столовые приборы.

– Мы сильно поругались с Сыроевым, и я выехала домой позавчера утром. Где-то на середине трассы пробил колесо, а потом у меня закончился бензин, – и я вкратце рассказала о том, что в действительности сделал для меня Рома.

Моему отцу семьдесят два, он очень хорошо выглядит для своего возраста, но в такие минуты, когда переживает за меня, вдруг стареет на глазах. Мне ужасно, просто невыносимо стыдно его пугать или разочаровывать. Его лицо вытягивается, морщины становятся резче и словно глубже. Папа неуклюже поднимается, обходит стол по направлению к Роме и тянет руку, тот быстро подсакивает с места, отвечает на рукопожатие.

– Спасибо тебе большое, я не представляю, я даже думать не могу... – начинает отец. Моё сердце обрывается.

– Всё в порядке, я сделал то, что было необходимо, – Рома немного теряется, для него это явно слишком. За обедом разыгралась целая драма. – Вы её не ругайте, я уже провёл воспитательную беседу, – добавляет он, поглядывая в мою сторону.

После моего откровения атмосфера разряжается, отец задаёт Роме пару общих вопросов, затем интересуется, кем Дёмин работает.

– Инструктором по альпинизму, – просто отвечает тот.

– А в какой школе?

– В нашем красноярском клубе, – пожимает плечами. – Я недавно этим занимаюсь, ещё не до конца освоился.

Отец слегка прищуривается, но кивает. Через пятнадцать минут он сообщает, что ему пора выдвигаться в офис, указывает взглядом в сторону выхода.

– Счёт мой, Роман, даже не спорьте, – говорит вновь взволнованно. – Это меньшее, что я могу сделать. Самое главное в моей жизни – это мои дети. Вас подвезти куда-нибудь?

– Нет, я здесь недалеко живу. Спасибо за обед. До встречи, Яна.

– До встречи! Позвонишь, Ром?

– Позвоню.

Глава 8

Вечер приносит с собой тонны новой работы, которую никак нельзя отложить до утра из-за филиалов в более ранних часовых поясах. На рынок выходит сразу два новых товара, стратегия развития практически утверждена, но вот это «практически», конечно, никуда не годится, когда дедлайн поджидает. Дел по горло, лишь изредка отрываюсь от монитора, чтобы сделать несколько звонков, опять же поставщикам, да налить себе стакан воды или сходить за кофе на кухню. Понедельник редко выдаётся спокойным – я уже привыкла и быстро втягиваюсь.

Из офиса выхожу почти последней. Сажусь за руль, но некоторое время не решаюсь завести двигатель. Не могу объяснить точно, что чувствую. Тревогу? Умом понимаю, что я в оживлённом районе миллионного города, в любой момент могу выйти из машины, позвать на помощь – и меня услышат! В руке заряженный телефон со всеми антеннами – звони хоть родителям, хоть в службу спасения. Но сердце колотится. Я кладу ладони на руль, прикрываю глаза и некоторое время просто дышу. Становится невыносимо душно, выключаю печку, чтобы немного остудить мысли. А когда начинаю мёрзнуть, сама не понимая, что делаю, пулей вылетаю на улицу. Нет, так дело не пойдёт, нужно взять себя в руки.

С горем пополам добираюсь до дома родителей: поздно, знаю, но нужно успеть попрощаться с мамой – она уезжает почти на два месяца. Отец сдержал слово и не стал волновать её перед перелётами. Затем без приключений добираюсь до дома и, наконец, позволяю себе расслабиться. Мне не привыкать быть одной в пустой квартире, поэтому чувствую себя вполне комфортно. Ужинаю под сериал и ложусь спать.

Потепление доходит и до нашего города: изматывающий ветер стихает, но зато начинает идти снег. Серыми рыхлыми хлопьями он всю ночь засыпает город, и вид из окна в шесть ноль-ноль – чарующий и пугающий одновременно. Светать ещё не начало, лишь серые холмики вместо машин и качелей в тусклом свете фонарей. Брр, как же не хочется выходить из дома! О весне даже не мечтается, пагубными могут стать мысли о ней в центре Сибири в феврале. Немного завидую маме, ведь она летит греться на солнышке.

Через полчаса раздаётся звонок в дверь.

Путаясь в мыслях, подхожу к двери и смотрю в глазок – Роман Сергеевич собственной персоной. Сама не ожидала, что так сильно обрадуюсь его внезапному визиту. Поспешно отпираю все свои замки.

– Привет! Вот так сюрприз, проходи, – впускаю мужчину в квартиру. – Не ждала так рано.

Честно говоря, вообще не ждала.

– Скучно в отпуске, заняться нечем. Сейчас меня будет много, а потом резко мало, – он по-свойски раздевается и раздевается, вешает куртку на вешалку. – Тебе надо как-то это время

распределить равномерно, чтобы потом спокойно отдохнуть от моего внимания, – рассекает ребром ладони воздух на отрезки, объясняя популярнее некуда.

– Хорошо, что ты приехал.

– Решил почистить тебе машину, намело – капец... – он замолкает на полуслове, потому что в глубине квартиры раздаётся грохот. Рома бросает взгляд в сторону кухни: – Ты не одна? – заметно напрягается.

– Одна, конечно! Что-то упало, я посмотрю.

– Уверена?

– Ну, либо я рассудком тронулась.

Он словно не верит, идёт следом шаг в шаг. Вешалка для одежды сложилась, оказывается. Я наливаю ему кофе из турки, некоторое время мы говорим о моём отце, его компании и моём трудоустройстве.

– Не думай обо мне очень плохо, я пришла после универа на самую низкую должность. Даже собеседование проходила, формальное, конечно, но о-о-очень волновалась.

– Да ты чего, Яна, не оправдывайся, это же замечательно, что родители помогают. Так и должно быть.

– А у тебя где живут родные? Я поняла, что ты местный.

– У меня только мама, она в районе Свободного. И сестра, но она осенью замуж вышла и переехала на самый север. А моя квартира недалеко от твоей работы, я уже говорил.

– Значит, альпинист. Инструктор по альпинизму. Это многое объясняет.

– Это типа такой комплимент? Или подкол, но я не улавливаю в чём.

– Комплимент. Мне нужно собираться, ты пока делай что захочешь. Выходить через десять минут.

– Спасибо за кофе, но я пойду пока откопаю и прогрею машину, давай ключи. Какие у тебя планы на вечер?

– Никаких.

– Мне кажется, ты волнуешься. Не стоит, всё отлично. Или твой папа тебе про меня что-то сказал?

– Нет, наоборот. Я правда рада, что ты пришёл. Даже, наверное, слишком сильно рада.

Я подхожу к нему вплотную, опираюсь на стол и провожу ладонью по его колючей щеке. Он тут же забирает меня к себе на колени, и я прижимаюсь к его груди, кладу голову на плечо. Ещё сонная, немного растрёпанная, в домашнем комплекте одежды. Для тех людей, кто знает друг друга меньше недели, нам вдруг становится слишком уютно сидеть вдвоём в моей кухне.

– Со мной очень сложно, Яна, – говорит он мне осторожно. – Моя бывшая жена не выдержала, сбежала, и не зря. Я сейчас не шучу. Не хочу, чтобы ты страдала, а это возможно, если мы продолжим в том же духе.

– Зачем ты тогда ко мне едешь? Я думала, тебе хорошо со мной.

– Мне хорошо. Ещё как хорошо. Но ты потом можешь пожалеть, – он хмыкает: – Любая пожалеет.

– Я не любая.

– Я это уже понял. Ладно, я пошёл. Давай ключи и одевайся.

– Щётка в багажнике.

– У меня есть своя, ага.

Кажется, у инструктора по альпинизму загадочное настроение. Едва я успеваю переодеться в офисный наряд, а сегодня это платье и пиджак, как трезвонит сотовый. Отец.

– Привет! Вы уже в аэропорту? – спрашиваю взволнованно. Мы не договаривались созвониться так рано, вчера вроде бы всё обговорили и попрощались.

– Привет, дочка. Да, подъезжаем. Скажи мне, пожалуйста, как полностью зовут твоего Романа. Фамилию, отчество и дату рождения, если можно.

– Папа! – от возмущения у меня едва не пропадает дар речи.

– Давай-давай, надо кое-что проверить.

– Папа, не вздумай! Это... это не твоё дело! Он мой друг, – делаю ударение на слове «мой». Какая же я наивная – думала, после моего рассказа он в восторге от Ромы, а оказывается, ничего подобного.

– Так я же не против, дружите на здоровье. Ну что, мне каким-то иным образом выяснять? – в голосе появляются железные нотки.

– Папа, я категорически против, чтобы ты вмешивался в наши с Ромой отношения, что-то копал под него. Это явный перебор! Я уже достаточно взрослая. И про Рому сама всё знаю. Если ты не в курсе – я неплохо разбираюсь в людях.

– Да неужели? То есть ты тоже сразу поняла, что твой альпинист Роман – боец спецназа?

– Боец чего? Спецназа? С чего ты взял?

– Есть такое подозрение. Помнишь же дядю Боря? Он не всегда был адвокатом, а дружим мы с первого класса. Вот он мне рассказывал о некоторых признаках. Пока десять из десяти.

Я представила дядю Боря, который весит килограмм сто сорок, – и это я не о бицепсах, – бегающим в форме с автоматом за спиной, и улыбнулась. Какая глупость.

– Это за полчаса совместного обеда ты отметил десять признаков? Папочка-а, помнишь, мы говорили о профдеформации? Ты просил предупредить, когда начнёшь перегибать в контроле над людьми.

– Это не тот случай.

– Да если даже ты и прав... Что именно ты хочешь узнать, я не пойму?

– Ты должна была выяснить его фамилию, или я действительно тебя не знаю. Что-то мне подсказывает, он не солгал: он альпинист, вот только по стенам лазит не в красноярском клубе. Тем более что никаких Романов там нет и не было в последние пять лет.

Из спецназа? В голове подобные догадки укладываются с трудом. Но приходится признать, что они многое объясняют. Растерявшись, я рассказываю отцу то, что знаю о Дёмине, тем более что информации действительно крохи. Он в любом случае выяснит всё, что требуется, если дядя Боря и правда имеет какие-то связи. После чего одеваюсь и спешу на улицу: у меня осталось буквально несколько минут, чтобы побыть ещё немного в компании Романа, не хочу тратить их на размышления.

Глава 9

Освещение в этой примерочной плохое, поэтому в каждом новом платье выхожу из кабинки и придирчиво рассматриваю себя в большом общем зеркале.

– Вам очень идёт, возьмите оба, точно говорю – не пожалеете! – воодушевлённо советует консультант отдела, приятная рыжеволосая девушка примерно моего возраста, обладающая завидным терпением: мы перемерили уже десять нарядов, и она ни разу не вздохнула и не закатила глаза. Я не впервые закупаюсь в этом магазине. Вот и сегодня Мария осыпала меня комплиментами, уверяя, что с моей фигурой нужно носить именно такие вещи, как это струящееся платье на бретельках, в котором, не удержавшись, я даже покрутилась пару раз. Нет, куда-то на выход я его, разумеется, никогда не надену – слишком откровенно, – но для приватного свидания подходит идеально.

Каждый по-своему справляется со стрессом, я – трачу деньги. Но насчёт этого платья нужно подумать: дороговато для единственного выхода перед одним человеком. Поэтому я прошу отложить его на полчаса, а сама спешу на встречу с Дёминим, язык не поворачивается сейчас назвать его дровосеком.

Волнуюсь. Наверное, это всегда так, когда начинаешь новые отношения. Лёгкая неловкость, страх не понравиться, сделать что-то не так, – и одновременно сильная тяга быть рядом.

Каждую минуту словно сдаёшь мини-экзамен, но при этом сама жаждешь испытывать этот стресс снова и снова. Подсаживаешься. Он будоражит, мало что есть в жизни приятнее.

Мы договорились встретиться на втором этаже напротив одного из ресторанчиков. Пока еду на эскалаторе, ищу глазами его фигуру. Безуспешно пробегаюсь взглядом по всем сидящим на лавочках и проходящим мимо мужчинам, делаю пару шагов вперёд, как слышу:

– Привет! – знакомый голос раздаётся неожиданно из-за спины. Я резко оборачиваюсь. Оказывается, Дёмин поднимался несколькими ступенями ниже.

– О, а я тебя как раз ищу. Почему не окликнул раньше? – спрашиваю, возмущаясь.

– Не хотел терять стратегически удобной позиции.

Он по-свойски обнимает меня одной рукой, притягивает к себе, будто незаметно проводит ладонью по заднице и хочет поцеловать в губы. Я смеюсь и отворачиваюсь — получается смазанно, в подбородок.

– Эй! Куда? – он протестует и, наконец, целует, как ему нравится: быстро, но со вкусом. – Как с первого дня это началось, так до сих пор не могу успокоиться.

Наверное, он вспоминает наш первый поцелуй в машине, после которого всё и завертелось. На всякий случай весело уточняю:

– Что же началось?

– Безумие!

Вновь меня чмокает.

– Ай, у меня же помада, Ром! Размазывается.

Торопливо достаю зеркальце.

– Тоже мне причина.

Между нашими репликами небольшие неуклюжие паузы, словно мы оба чувствуем себя слегка не в своей тарелке, но при этом каждый старается продолжать общение, подбирает слова.

– Значит, ты любишь целоваться. На людях, – пытаюсь его легонько поддеть.

– Ч-чёрт, выходит, что да. Ты прекрасно выглядишь, Яна, – говорит он мне, быстро оглядывая с ног до головы. – Шёл за тобой к эскалатору и думал: «Неужели можно просто подойти и потрогать?», – улыбается. – Не против?

– Не против, – тоже улыбаюсь его скомканным комплиментом.

– Тебя страшно оставлять без присмотра. С ума сойти можно от тревоги.

– Думаешь, украдут?

– Если кому-то головы не жалко.

Снова небольшая пауза. Неуместное юношеское бахвальство с его стороны.

– Как дела? Как день прошёл? – возвращаю беседу в более спокойное русло.

– Потренил в спортзале, поваял дурака – непривычно. А твой? – он продолжает обнимать меня за талию и ведёт в сторону книжного. Теперь если кто и смотрит на меня, то тут же опускает взгляд в пол, напарываясь им на Дёмина. Пока не понимаю, нравится мне это или напрягает. – Заскочим на минуту, у меня тут список есть. Покупок, – открывает в телефоне сообщение от какой-то Танюши.

– Лучший подарок – это книга? Да ладно! Пытаешься подцепить умную девчонку таким образом?

Он смеётся:

– Ну нет, я предпочитаю женщин лет на десять постарше, а этой малявке четырнадцать, и она моя племянница. Помнишь, я рассказывал, что сестра переехала на север? Вот это её старшая дочь. У них с подругами сейчас новая мания – одна подростковая серия, а бумажные книги в той местности найти практически невозможно: их туда тупо не возят. Ни одного книжного магазина на посёлок.

– Так можно же электронные купить.

– Да, конечно, но она ведёт свою страницу в лайфграме и канал на ютубе, мечтает стать крутой блогершей, пишет рецензии и рассказывает про новинки. А электронные книги обычно выходят через несколько месяцев после бумажных.

– О, как всё сложно. Я даже и не задумывалась о трудностях северян-блогеров. Молодец, девочка! Ставит цель и идёт к ней.

– Ага. У меня приятель оттуда, он часто мотается к родителям и передаёт посылки, – Рома подходит к кассе, показывает список литературы: – Вот это всё, кроме последней, её я уже купил.

– И прочитал. Любит янг эдалт, – пожимаю плечами, подсказывая молоденькой девушке на кассе. Она смеётся, я тоже смеюсь, Рома закатывает глаза, но вместе с нами улыбается. Все довольны, всё просто прекрасно. А когда выходим из отдела, он украдкой шлёпает меня по заднице и заявляет:

– Сегодня почитаю тебе вслух.

– Перед сном?

– Каким ещё сном? Забудь.

– Янг эдалт? – и хотя я под настроение читаю книги про подростков, сейчас демонстративно зеваю.

– Ты прям напрашиваешься, чтобы я спошлил что-то про сказки для «эдалт», – смеётся.

– Всю ночь будем читать? Как с тобой интересно, Ром!

– Да уж, сказочки рассказывать я люблю. Особенно красивым девицам. Заблудившимся в лесу, – как и обычно, на эту тему он не флиртует, в словах явственно ощущается ирония.

– А на самом деле ты страшный серый волк? – тоже иронизирую.

– Скорее охотник, – добавляет весело, и мы, наконец, заходим в ресторанчик.

Вот и всё. Эта фраза моментально возвращает меня к разговору с отцом. Боец спецназа. Передо мной, возможно, боец спецназа. Человек, который умеет держать в руках оружие и обращаться с ним. Который, должно быть, убивал людей. Волков.

Аппетита практически нет. Всё снова меняется. Я смотрю на Рому, но вижу его теперь словно через призму новых догадок. Его руки, пальцы. Широкие плечи. Что, если он набирал мне сообщения, будучи одетым в их сложную экипировку, с автоматом за плечом?

Пытаюсь прогнать то и дело всплывающие в мыслях образы. Я пока ещё ни в чём не уверена, но смотрю на Дёмина и вижу перед собой кого угодно, но только не тренера в спортивном костюме со свистком. А ведь ещё утром он был просто хорошо сложенным парнем, который любит заниматься спортом и с которым было бы весело зажечь.

Что я знаю про спецназ, кроме пары российских фильмов да американского «SWAT» двухтысячных годов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.